

ПИСЬМА ФРАНЦА И ПЕТРА ЛЕФОРТОВ
О «ВЕЛИКОМ ПОСОЛЬСТВЕ»

В Государственном архиве Женевы хранятся три объемистые папки, содержащие около 1200 листов (приблизительно 400 писем), представляющих собой часть переписки генерала и адмирала Франца Лефорта и генерала Петра Лефорта. В этих папках находятся главным образом письма XVII и XVIII вв., написанные генералом Менезием, посланником Дании Бутенантом фон Розенбушем, Яковом Лефортом (который встретил Великое посольство в Голландии), кн. Борисом Голицыным и многими другими. Имеются также черновые наброски писем городского совета Женевы Петру I. Эти рукописи были переданы архиву семьей Лефортов в 1956 году. Они не были еще никем ни разобраны, ни опубликованы. Только несколько историков, в свое время занимавшихся историей России конца XVII — начала XVIII в., знали о существовании этих документов. Н. Г. Устрялов процитировал 6 из них в приложении к т. 2 своей «Истории царствования Петра Великого». М. М. Богословский их не видел и цитировал со ссылкой на работу известного биографа Франца Лефорта — М. Поссельта, который использовал их и цитирует некоторые из них в приложении к биографии. Наконец, Г. Валлотон видел их, однако цитирует лишь несколько отрывков из них¹.

В Государственном архиве, Публичной и университетской библиотеках Женевы имеются три рукописи, скомпонованные из писем Лефортов². Помимо того, известны 40 других писем, адресованных Ф. Лефортом Петру I, которые были опубликованы Н. Г. Устряловым³. Что же дают науке эти письма? Они расширяют наши сведения о той эпохе. Из них мы узнаем ряд деталей об отношениях между Петром I и Ф. Лефортом; описания этих отношений имеются не только в письмах Лефортов, но и в письмах Бутенанта и женевского капитана Ф. Сенебье⁴. Мы находим там данные об экономических и политических условиях жизни общества в России, некоторые любопытные детали частной жизни, многочисленные подробности о судьбе приезжих иностранцев, описание жизни при дворе, сведения о составе армии, путешествиях царя, военных экспедициях, пожарах в Москве, лекарствах, состоянии хозяйства и пр. Письма, написанные между 1693 и 1696 гг., особенно во время первой осады Азова, изобилуют данными о деятельности Петра I, многочисленными сведениями о ходе осады. Письма 1697—1698 гг. содержат сведения о подготовке и осуществлении Велико-

¹ См. И. И. Виноградов. Житие Франца Яковлевича Лефорта. СПб. 1799; Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого. Т. 2. СПб. 1859, стр. 441—447; его же. Лефорт и потехи Петра Великого до 1689 г. СПб. 1851; M. Rossett. Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit. Bd. 1—2. Frankfurt am Main. 1866; M. Поссельт. Адмирал русского флота Франц Лефорт. «Морской сборник», 1863, № 3, приложение; «Военный сборник», 1870, №№ 7—12; 1871, №№ 1—3. Имеется также работа в агиографическом стиле: N. J. H. de Basseville. Précis historique sur la vie et les exploits de François Le Fort. Lausanne. 1789. Отметим, кроме того, статью L. Vuilliezin. Pierre le Grand et l'amiral Lefort («Revue suisse», 1867) и А. З. Мышлаевского («Русская старина», 1898, т. 3).

² Ms 1013: «Mémoires servans à écrire la vie du général Le Fort, tirés de diverses lettres et relations». 118 p.; Ms 1014: «Particularités sur la vie du général Le Fort (avec des notes sur les membres de la famille Le Fort, alias Picard, 1474—1594, extraites en 1783 et 84 des minutes de notaires existant à Coni en Piémont, lieu d'origine de cette famille)»; Ms 1015: «Mémoires pour servir à l'histoire du Général et Grand Amiral Le Fort», 58 feuillets. Рукопись № 1015 была написана в 1732 г. одним из членов семьи; № 1013 написана позднее, на основе рукописей 1014 и 1015. Эти-то три рукописи и послужили основой для книги Бассвиля.

³ Н. Г. Устрялов. История царствования... Т. 4, стр. 553—611.

⁴ М. М. Богословский. Петр Первый. Материалы для биографии. Тт. 1—5. М. 1940—1948. Там содержится много имен, приведенных в письмах Лефортов.

го посольства. Петр Лефорт, племянник генерала и адмирала, а по должности секретарь Великого посольства, пишет больше. Зато имеется лишь незначительное количество писем Ф. Лефорта, который был всецело поглощен работой. Письма П. Лефорта с 1699 г. вообще не были еще предметом изучения. Между тем из них мы узнаем детали кончины Ф. Лефорта, о русских в Швеции во время Северной войны, об обстоятельствах смерти Петра I, о придворных интригах в России до 1732 г. и пр.

Нет необходимости говорить здесь о событиях жизни Ф. Лефорта. Напомним лишь, что он прибыл в Архангельск в 1675 г., а после ряда трудностей — и в Москву, за несколько месяцев до смерти царя Алексея Михайловича. Приехавшие с ним офицеры были наняты в Пушкарский приказ, а заболевший Лефорт прервал попытки поступить в русскую армию и вел нищенское существование в Немецкой слободе. В 1678 г. он женился на дочери полковника Сухэ (выходца из г. Мец), двоюродной сестре первой жены генерала П. Гордона. Этот брак дал Ф. Лефорту возможность поступить в полк. В 1687 г. он принял участие в 1-м Крымском походе, о чем подробно рассказывает в одном из писем. С Петром I Лефорт познакомился, когда последовал за ним в Троице-Сергиев монастырь (1689 г.), во время неудачного заговора царевны Софьи. Из шести родившихся у Ф. Лефорта детей остался в живых только сын Генрих. Он умер в 1703 г., после осады Нотебурга.

Ф. Лефорт вызвал к себе из Женевы племянника Петра (сына Ами Лефорта, синдика Женевы). Впоследствии П. Лефорт стал генералом. Он попал в плен к шведам под Нарвой, позднее нес службу при Екатерине I, Петре II, Анне Ивановне и уехал в Мекленбург в 1732 году. В России был еще Жан Лефорт, тоже племянник Франца. Его Петр I отправил в Версаль, ко двору французского короля для урегулирования церемониальных вопросов. Жан перешел на службу к Августу II, королю Польскому, стал членом его совета и по просьбе Петра I был направлен в Петербург в качестве полномочного министра.

Из писем Лефортов мы узнаем, что, несмотря на щедрые подарки и почести, которыми Петр I осыпал своего любимца, Ф. Лефорт умер, оставив после себя немного земель с незначительными доходами и долги (один из них, в сумме 2 500 эку серебром, — за неоплаченный пансион его сына в Женеве). Зато сохранилось много домашней утвари, оружия и одежды. Петр Лефорт писал о дяде: «Все, что он имеет, он раздает своим друзьям»⁵. А вот характеристика его позиции при дворе: «Генерал обычно ничего не делает как в отношении государственных дел, так и по отношению к своим личным делам, пока сам царь не распорядится лично». В то же время Ф. Лефорт «был человеком, обладавшим особой способностью распоряжаться делами этого монарха так, что до сих пор никто не может делать этого так, как делал покойный»⁶. Официально же он имел над собой начальника в лице кн. Б. Голицына, как сообщает П. Лефорт 19 октября 1699 года.

Что касается П. Лефорта, то он был человеком, лишенным инициативы, нерешительным, самолюбивым, лицемерным, мстительным, к тому же постоянно стремившимся к наживе. Но и коммерческими делами он не репался заняться серьезно; долгое время имел намерение поехать в Китай, где думал разбогатеть, однако мысль о поездке, которая должна была длиться три года, пугала его. В России же тоже боялся обосноваться, что видно из его письма от 15/25 февраля 1693 года. Смелостью П. Лефорт отнюдь не обладал: «Сегодня, — пишет он, — я отправляюсь сражаться с татарами, которых, я надеюсь, мы никогда не увидим»⁷.

К сожалению, Лефорты, как и другие авторы писем, опасались сообщать открыто обо всем, что они знали и видели. В письме от 2 марта 1694 г. Сенебье отмечал: «Что касается подробного описания ополчения, то это немного опасно». Яков Лефорт тоже писал о П. Лефорте, что тот «рассказывал мне о разных вещах, которые не следует доверять бумаге; он передаст их вам лично». Один раз Ф. Лефорт извещал, что он хотел бы иметь возможность написать о некоторых новостях в России, но «слишком велика боязнь». Поэтому в письмах ряд важных вопросов не затрагивается, зато о деталях повседневной жизни можно найти сведения, достойные внимания.

⁵ Письмо от 5 марта 1694 г. из Москвы.

⁶ Письмо от 3 ноября 1699 г. из Москвы.

⁷ Письмо от 26 апреля 1699 г. из Москвы.

Мнения историков о Ф. Лефорте и его роли расходятся. Б. И. Куракин писал: «Днем и ночью он предавался удовольствиям, обедам, балам, банкетам, игре в карты, дебошам с женщинами и постоянным попойкам, от которых он, кстати, и умер к пятидесяти годам»⁸. Трудно верить этому свидетельству буквально. Ведь Лефорт умер в 42 года, но не от последствий дебоша, а от ранения, которое он получил при падении с лошади во время осады Азова. В письме от 8/18 марта 1699 г. П. Лефорт описывает смерть своего дяди, который скончался после «семидневного пребывания в бреду». Это опровергает Н. Г. Устрялов, по словам которого, перед смертью Ф. Лефорт «велел прогнать пастора и потребовал музыки»⁹. Можно привести слова Петра I, который в 1707 г., вспомнив Лефорта в связи с каким-то празднованием, сказал: «Мы так не веселились еще со времени смерти Лефорта»¹⁰. Это может означать, что Лефорта считали гулякой и прожигателем жизни. С другой стороны, как подчеркивает С. М. Соловьев¹¹, Петр I ценил и уважал Ф. Лефорта, и это видно из того, что последний, не обладая соответствующими данными, получил звания генерала и адмирала.

Относительно языка лефортовских документов, находящихся в Государственном архиве Женевы, следует заметить: он очень интересен тем, что представляет собой хороший образец областного французского языка XVII—XVIII столетий. Письма эти трудны для прочтения и расшифровки. Особенно относится это к письмам Ф. Лефорта, которые были написаны в период, когда он страдал от ранения. Нельзя сказать, что письма изобилуют орфографическими ошибками, как было указано автором одной статьи в женевском журнале¹². Первый нормативный словарь, установивший правила для французского языка, был издан в 1694 году. Судя по нему, ошибок немного. Отметим, впрочем, что написание одних и тех же слов в письмах Ф. и П. Лефортов различное. Плохо соблюдается множественное число. Фразы не разделены точками. Некоторые слова теряют буквы и даже целые слоги. Отдельные имена нарицательные пишутся с прописной буквы, а собственные — со строчной. Ф. Лефорт стал употреблять апострофы только под конец жизни. Довольно часто он опускал конечную «z», а в словах, где ныне ставятся диакритические знаки, у Лефорта еще по старинке «s». Все это затрудняет прочтение писем и восстановление их текста.

С разрешения Государственного архива Женевы и при содействии Совета искусств Канады мы публикуем здесь письма о Великом посольстве. Существует еще некоторое количество других писем о Великом посольстве кроме тех, из которых мы цитируем отрывки или которые помещаем полностью. Но в них содержатся сведения только личного порядка. Эти письма подтверждают, что Великое посольство было задумано не позднее 30 января 1691 года. Так, в письме посланника Дании Бутенанта читаем: «Возможно, что генерал-майор (Ф. Лефорт) будет послан в качестве полномочного представителя к правителям Германии и Италии». В письме от 18 декабря 1691 г. Сенебье пишет: царь «три месяца тому назад призвал его (Ф. Лефорта) в генерал-лейтенанты и в то же время выбрал его своим чрезвычайным послом к королям Швеции, Дании, Англии, к королю Вильгельму в Голландии, в Вене к императору».

У Я. Лефорта, который прибыл в Амстердам специально, чтобы посмотреть на своих родственников из России, мы находим интересное описание Петра I. В письме от 4 февраля 1698 г. он сообщает своему брату Ами. «А теперь я скажу тебе, что имел честь поцеловать ему руку, и написал моей жене о том, как все произошло с тем, чтобы она показала вам письмо. Я не буду повторять то, что я там писал, дабы перейти к другому. Знайте, что этот монарх очень большого роста, но в нем есть что-то неприятное, у него бывают конвульсии в глазах, руках и во всем теле. Иногда глаза у него закатываются и виден только белок; не знаю, отчего это происходит, но надо полагать, это недостаток воспитания, так как он был запечат все время (неразборчивое слово), я имею в виду до совершеннолетнего возраста; он даже имеет подергивание ноги, которая не может держаться на одном месте, а впрочем, он хорош собой, одет, как

⁸ «Архив князя Ф. А. Куракина». Т. 1. СПб. 1890, стр. 76.

⁹ Н. Г. Устрялов. История царствования... Т. 2, стр. 263.

¹⁰ «Письма и бумаги Петра Великого». Т. 6. СПб. 1862, стр. 168.

¹¹ См. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. VII (т. 14). М. 1962.

¹² Grenus. Lettre inédite du Général François Le Fort. «Glanures», 1829, pp. 37—40.

простой матрос, и стремится быть только на воде». Я. Лефорт сообщает также некоторые любопытные подробности об эмиграционной политике в России. Из писем о Великом посольстве мы узнаем о трениях, имевших место между Ф. Лефортом и его племянником. В письме от 15/25 июня 1698 г. Петр Лефорт жалуется на скупость Франца. Это, а также отсутствие устойчивого положения заставляло П. Лефорта во время пребывания в посольстве писать о его намерении «не возвращаться в Московию», если брат не обеспечит его «устойчивым положением».

Письма Лефортов, особенно написанные во время пребывания Великого посольства за границей, свидетельствуют о том, что авторы их воспринимали только внешние формы жизни, особенно такие, как пышность карет и тому подобные проявления богатства. Они не пытаются также анализировать пережитые ими события; все они, кроме Ф. Лефорта, были склонны к наживе. Эти обстоятельства следует учитывать и читателю, и ученому, анализирующему тексты писем. Все цитируемые ниже письма переведены нами на русский язык. Они адресованы Ами Лефорту, брату генерала и отцу Петра Лефорта. Текст, заключенный в квадратные скобки, состоит главным образом из сведений семейного и личного порядка. Выдержки из данной публикации увидели свет на французском языке («Compte-rendus. Annales de l'Association canadienne-française pour l'avancement des sciences», 1974, vol. 41).

А. Бабкин

Слобода, 11 декабря 1696 года

[...] С тех пор, как я написал вам мое последнее письмо, у нас несколько раз состоялись празднества, стрельба из больших и малых пушек. Первое пиршество прошло у меня. Помимо канонады были прекрасные фейерверки. Его царское величество со всеми вельможами милостиво обедал у меня. Пришло более 200 лиц знатного происхождения. Музыка была необыкновенная. После ужина танцевали допоздна. А стрельба из больших пушек не давала покоя всей Слободе, и ее было слышно даже в Москве. Внизу, в моем саду на берегу реки, стояло до 20 пушек, а на другой стороне — больше, и хотя они были удалены, стекла в нескольких домах разбились. Восемь дней спустя мы были у генерала Шеина, и пушки также сделали свое дело. Но не состоялось ни фейерверков, ни бала. Что касается других новостей, то скажу вам, дорогой брат, что имел место большой смотр всем молодым вельможам, которые служили спальничими у покойного царя Ивана Алексеевича и у нашего царя Петра Алексеевича; они находятся под моим началом; из них около 60 выедут 1 марта: приблизительно 40 направляются в Италию изучать все необходимое для управления галерами; оттуда они возвратятся только когда станут искусными знатоками. Другие направляются в Голландию с приказом изучить военные суда; среди них имеется несколько князей. Приказания они получили у меня; иные будут служить на суше в моих полках. Есть еще и другая новость, которая удивит вас: около 15 марта отбудет отсюда Великое посольство в Швецию, Данию, Бранденбург, Англию, Голландию, Италию и даже к Папе. Никогда еще не отбывало отсюда такое большое посольство. Его величеству угодно было назначить меня первым послом; вторым является храбрый генерал, служивший послом в Китае. Он служил генерал-комиссаром у меня во флоте под Азовом. Третий посол — великий канцлер, или думный, который был посланником раз 20 в различных местах; имя его Прокофий Богданович Возницын; вторым же назначен Федор Алексеевич Головин. Все приказы нам уже отданы, как и 4 первым секретарям. В моей свите будет около 200 человек, и я позабочусь, чтобы на нас не жаловались, как на других¹. Под угрозой строгого наказания я запретил всем брать с собой какой-либо товар для продажи; впрочем, у меня имеется многое для особых, непредвиденных подарков, и ожидаю, что предстоит еще и другие. У меня имеется 12 дворян, которых я выбрал, немцев или иных иностранцев, офицеров [...] У меня — 6 пажей, 4 карлика, около 20 ливрейных слуг; все будут одеты великолепно; 5 трубачей, музыканты, пастор, лекари, хирурги и рота хорошо снаряженных солдат. Господин сын ваш, мой племянник, едет с нами. Так как я буду проезжать недалеко от Женева, возможно, если богу будет угодно,

возьмем счастье увидеть вас [...] Азов сильно укреплен. Господин де Лаваль его укрепляет: он савояр, родился неподалеку от Женевы; инженер императора. В мое отсутствие будет построено около 60 судов-галер или кораблей, которые должны быть готовы к концу наступающей зимы с тем, чтобы ко времени вскрытия рек они были присоединены к нашим 30 галерам, находящимся под Азовом. Запорожским и днепровским казакам отдан приказ соединиться с большими силами на море, и им даны образцы, чтобы знали, какими кораблями они должны воспользоваться. Если богу будет угодно, я буду командовать 30 тысячами человек, не считая казаков; предстоит неожиданные нападения с высадкой войск и с бомбардировкой. Что касается моей раны, то она все сочится. Но я не страдаю от сильных болей, как прежде. В это воскресенье (вместо субботы) будет эскалада²; так пожелал его царское величество.

Лефорт, генерал и адмирал

Слобода в Москве, 22 января 1697 года

[...] Во-первых, их величество оказал мне милость и избрал меня первым чрезвычайным послом ко двору Берлина; а оттуда я поеду в Вену к императору, а из Вены — в Венецию, Рим, Голландию, Англию, Данию. Со мной поедут еще двое других; один из них сенатор, который был послом в Китае и командовал армией на границах Китая; он очень почтенный человек, был генерал-комиссаром у меня во флоте; его зовут Федор Алексеевич Головин. Другой — советник и канцлер, который был послан в несколько королевств. В моей свите состоит более 200 человек. Днем и ночью работают над моим экипажем. Никогда еще из Москвы не выезжало такое большое посольство и с такими превосходными подарками. Кроме того, его царское величество милостиво соизволил назначить меня на пост наместника Новгорода Великого. За мои заслуги при осаде Азова мне милостиво пожалованы несколько деревень с 200 крестьян; деревни находятся в полутора днях пути отсюда. Кроме того, мне пожалована большая сумма денег, собольи меха и парча, большая позолоченная ваза с именем его царского величества, каменный дом, который его величество приказал построить в мое отсутствие: камни, необходимые для постройки дома, и все материалы уже заготовлены; вокруг моего дома и даже внутри все наполнено материалом для нового здания; посредине будет большой зал. Здесь нет здания, равного тому, которое будет построено; стоимость его обойдется в 40 тысяч экю. До моего отъезда, если богу будет угодно, через каких-нибудь пять недель начнут большой зал. Вот что я могу сказать вам относительно тех милостей, которыми пожаловал меня его царское величество, и нескольких других, ни с чем не сравнимых. Всем армиям дан приказ о выступлении, кроме моей, потому что мои 50 новых галер и судов еще не закончены. В наше отсутствие все будет закончено, и, если богу будет угодно, его величество спустит на Черное море 90 больших галер и судов и кроме того 200 и даже более больших барж, куда должны отправиться запорожские и донские казаки. Азов укреплен. Туда направляют 60 тысяч человек, не считая казаков, для завершения всех необходимых работ, а также 10 тысяч человек из наилучших войск для гарнизона. [...] Рана моя все еще открыта. [...]

Лефорт, генерал и адмирал

Москва, 22 января 1697 года, пятница

[...] Я думаю, что до конца будущего месяца мы выедем отсюда в Вену ко двору его императорского величества, а оттуда — в Венецию, если дела пойдут успешно. Итак, я надеюсь, что я увидаю вас проездом. Сначала мы думали, что поедем в Голландию, но дела изменились. Конечно, это — большое путешествие, а особенно для господина дяди моего в его теперешнем положении, так как его рана все в том же состоянии; из нее беспрестанно сочится, как из фистулы, и нет надежды, что она когда-либо заживет. В остальном он себя чувствует хорошо; отдыхает и

обладает хорошим аппетитом. Мы все готовимся к отъезду, много и очень спешно работаем. Ливреи закончат через несколько дней. Свита будет весьма многочисленной. Надеюсь, что я окажусь в свите тоже. Вот и все относительно здоровья моего дяди; можно только пожелать, чтобы его здоровье улучшилось, так как у него имеется все; каждый день его величество жалует его своею милостью и благодеяниями. Что касается моего обоснования здесь, то я ничего не скажу вам в настоящее время; я буду иметь честь находиться с вами во время нашего путешествия и поговорю об этом с вами лично. Господин Герваген все еще у себя; он еще не знает, какого пути ему держаться, и сильно колеблется. Барыши, которые он надеется получить от поездки в Китай, наводят его на сомнения; но все-таки в настоящее время он добивается возможности поехать туда; не знаю, что из этого получится; когда он примет решение, ехать ли ему в Китай или оставить это намерение, то напишет Вам [...].

*П. Лефорт*⁵

[...] Письма адресуйте в Берлин [...] его превосходительству монсиньору Лефорту, генералу гвардии и пехоты его царского величества, адмиралу его флота, председателю всех его советов, генерал-губернатору Великого Новгорода, чрезвычайному и полномочному послу к главным дворам Европы⁴.

Минден, 27 июля 1697 года, в четверг вечером

[...] 6/16 июня я имел честь написать вам письмо из Кенигсберга, в котором сообщал о нашем выезде в Пилау⁵. Мы остались на три недели, чтобы узнать, как пойдут дела в Польше относительно избрания (короля). Но время затянулось, и мы через три недели пребывания вынуждены были выехать в Кольберг, куда прибыли первого числа этого месяца, после восьмидневного пребывания в море при чрезвычайно дурной погоде. Слава богу, что приехали сюда благополучно. Я проехал через Берлин с частью посольства [...]. Жалею, что находился в Берлине недолго; мне хотелось бы пробыть там еще несколько дней, чтобы увидеть все, что есть прекраснейшего в этом прекрасном городе. Но господин генерал, дядя мой, не позволил мне этого. Однако обещал мне, что при возвращении мы побудем в Берлине подольше. Вот уже прошло десять дней, как мы оттуда выехали. Двор в Берлине отсутствовал, не было ни господина курфюрста, ни его супруги, а был только молодой принц. Я за недостатком времени не имел чести его увидеть. Однако видел супругу курфюрста в 6 лье оттуда, когда она ехала из Ганновера с ее матерью и тремя принцами, ее братьями; она устроила великолепный прием для послов в деревне; состоялось что-то вроде бала; эта принцесса, конечно, заслуживает уважения; она очень хороша собой. Она оказала почести господам послам и главным образом генералу, дяде моему. В ту же ночь она выехала оттуда со всей своей свитой в Ганновер, где и пребывает в настоящее время в отсутствие господина курфюрста, который все еще в Пруссии, где он останется до окончания дел в Польше. Никто не знает, какие это будет иметь последствия; оба претендента все еще сильны, оба очень хотят стать королем: и курфюрст Саксонский и принц де Конти. Дай бог, чтобы им стал курфюрст Саксонский для благополучия Московии, а также для многих других принцев. Отсюда мы едем в Голландию. Проедем через всю территорию Клеве. [...]

Лефорт

[...] Мы спешим прибыть в Гаагу; о тамошних событиях вы узнаете из моих писем.

Лефорт, генерал, адмирал и чрезвычайный посол

[...] В прошлый понедельник, 16 августа текущего месяца, я прибыл сюда со всей свитой. Господам послам был сделан великолепный прием. Все дворяне страны выехали на лошадях навстречу господам послам; было 40 карет, запряжен-

ных шестью, четырьмя и двумя лошадьми. Господин бургомистр Витзен⁶ и теперешний бургомистр-председатель в сопровождении нескольких других советников и получателей городской пенсии вышли нам навстречу. Пенсионер господин Беус приветствовал наших послов; послам, конечно, оказали много почестей [...]. В Кенигсберге мне было досадно, что я не мог сообщить вам обо всем, что там произошло, но на это был дан недвусмысленный приказ: не упоминать никому о событиях. [...] Я хочу сообщить вам, не подвергаясь риску за написание, что лицо, о котором вы упоминаете, находится с нами⁷. И это всем известно; мы делали все, от нас зависящее, чтобы это скрыть, но это было невозможно; мы охотно говорим это нашим друзьям. Слух об этом настолько распространился, что народ бежит за каждым москвитом, думая, что это и есть его величество. Все послы боятся за него, и это даже ставит их в неловкое положение. Они желали бы, чтобы он остался у себя в стране, но это невозможно: он слишком заинтересован в чужих странах, чтобы могли заговорить с ним о возвращении домой. В Голландии издали приказ под угрозой большого штрафа, запрещающий печатать сведения или упоминать в газетах имя его величества. Поэтому надеюсь, что в будущем этого не будут делать. У меня есть и другие интересные сведения для вас относительно этого, но мы отложим сие до следующего раза. Газеты говорят обо мне, что я секретарь посольства; это верно, и правда, что я передал письмо царя его светлости курфюрсту Бранденбургскому; надеюсь, что и в будущем, когда состоится аудиенция, я буду иметь честь делать то же самое. Конечно, этот пост для меня довольно большой, да кроме того, я являюсь, так сказать, директором всего двора моего дяди. Я не могу описать вам те тяготы, которые испытываю; могу сказать без хвастовства, что никто в нашей свите не смог бы их выдержать. Не подумайте, что это происходит от выпивок или дебоша; нет, единственно от поездок, визитов и прочего, что надо делать в таких случаях; но ничего, все это пустяки, лишь бы я удовлетворил моих господ послов в такой степени, как они удовлетворены, я считаю, в настоящее время. Однако это народ, которому надо сильно потворствовать и переносить многое, как довелось мне до сих пор, но может быть, это мне даже поможет. Относительно господина генерала, дяди моего, я не могу себе представить, кто бы это мог написать, что он-де же предается большим дебошам. Я не имею ничего против того, что вы это узнаете, однако это все же не так, как вам сообщили; я уверен, что слухи преувеличивают факт по крайней мере в два раза. Раз или другой это было, но не безостановочно, а теперь прекратилось. Что касается курения табака, то оно продолжается своим чередом. И все же он начинает воздерживаться, когда у него есть гости. Но я считаю, что это лишь привычка, которая не может повредить его здоровью. Срок нашего пребывания здесь очень неопределенный; мы должны быть на приеме в Гааге у штатгальтеров, однако время нашего отъезда туда еще не установлено. Ходит слух, что мы проживем здесь почти всю зиму, хотя это и не имеет оснований. О том, как пройдет прием и с какими церемониями, я все вам опишу. Нам дают понять, что делаются большие приготовления для приема послов в Рисвике. Мы еще не знаем дня нашего выезда в Гаагу. Надеюсь все же, что это произойдет на этой неделе. В этом городе было сделано все возможное, чтобы развлечь наших послов. На другой день по прибытии поставили комедию, что бывает здесь очень редко. В следующий четверг пускали фейерверк, который должен был доставить удовольствие нашему государю. По окончании фейерверка штатгальтеры по своему обычаю поставили великолепное угощение. В прошлое воскресенье вышеуказанные вельможи для развлечения нашего общества устроили своего рода морской бой. Удалившись в море на расстояние получаса плавания, они произвели несколько выстрелов из пушек. Было много мелких судов, как баркасов, так и других, на которых находилось много народа и с которых раздавались выстрелы. Удовольствие прервали дождь и туман. Вот все, что мы делали с тех пор, как находимся здесь. Теперь надо стараться выехать отсюда, а это, конечно, трудно, особенно господам московским послам, так как теперь они начали ценить удовольствия, получаемые в Голландии. Я предполагаю, что по окончании наших дел в Гааге мы возвратимся сюда. [...] Мой дядя всегда посмеивается, когда я говорю ему, что необходимо откладывать немного про черный день. Он говорит: я искал свою

фортуну, и мой сын пусть сам ищет ее тоже. Дядя говорит, что он постарается научить сына всему, чему сможет, пока жив, а уж затем пусть сын пробивается сам. [...]

П. Лефорт

*Амстердам, 3 сентября 1697 г. по нов. ст.,
во вторник вечером*

Относительно его царского величества мы уже не скрываем, так как это было бы бесполезно. Я предполагаю, что в четверг или в какой-либо день позже состоится встреча его величества царя с королем Вильгельмом, но не знаю положительно, в Цо или в другом месте. То будет весьма секретная встреча.

Гаага, 8 октября 1697 года

[...] Их превосходительства господа послы его императорского величества сделали нам вчера визит в 20 часов; это была очень приятная встреча. На этой неделе должен быть подписан мир между императором и Францией. Что касается принца де Конти, то дела идут неважно; но, чтобы помочь им, некое знатное лицо из свиты его превосходительства посла Саксонии выехало к королю Польши с опечатанным большой печатью его царского величества письмом, которое я дал ему в собственных руках. В письме сказано, что его царское величество безусловно приказывает его Саксонскому величеству, королю Польши, использовать для своей защиты войска, находящиеся на границах; эти войска состоят из 60—70 тысяч храбрых солдат. Если же этого окажется недостаточно, то отданы приказания отправить другой корпус, в 40 тысяч человек. Мы не хотели бы, чтобы наиболее сильным был принц Конти⁸. Победа императорских войск над турками обеспечена, и даже больше, чем об этом писали в газетах; я располагаю некоторыми характерными деталями относительно этого. Я желал бы, чтобы наши войска причинили столько же ущерба, как войска императора; правда, они имели большое преимущество над врагами; но так как у татар нет пехоты, то за ними трудно угнаться. Что касается всех этих господ офицеров, которые испытывают желание поехать на службу в Москву, пусть они повременят немного. У меня есть задание нанять двести или триста человек; но в основном я ищу морских офицеров. Флот, которым я должен командовать, будет состоять из 120 судов и галер, и я вынужден принимать меры предосторожности; по этой причине я останусь в Амстердаме для отправки всего необходимого. [...]

Лефорт, генерал и адмирал

[...] 27 числа прошлого месяца мы прибыли сюда со всей нашей свитой. Двое штатгальтеров из Генеральных штатов приветствовали нас за четверть лье отсюда. С ними прибыли 40 или 50 карет, запряженных 4-мя и 6-ю лошадьми, чтобы привезти нашу свиту сюда, и еще две другие кареты, принадлежащие Генеральным штатам, в которых находились господа послы, все трое вместе, а были они последние в свите по обычаю Московии и Германии, где самые знатные вельможи прибывают самыми последними. Перед их каретой находились их трубачи на конях и выездные лакеи: пажи шли последними, а перед каретой — 12 гайдуков, принадлежащих моему дяде. За каретой господ послов следовали 3 пустые кареты, которые мы заказали здесь и которые, по меньшей мере, столь же хороши, чтобы не сказать больше, как и кареты штатгальтеров. Первая из трех была запряжена 8-ю красивейшими лошадьми. В таких-то условиях нас провезли по всем красивым районам города и привезли домой. Вечером 8 депутатов от штатгальтеров и от 7 провинций прибыли на ужин с господами послами и угостили их превосходным ужином. За столом нас сидело 24 персоны. На другой день от имени господ послов меня отправили ко всем уполномоченным, находившимся здесь, чтобы известить их о нашем прибытии. Они

приняли меня с большими почестями. Так как Московия не имеет никаких дел с Францией, то меня туда не направили, а равным образом и к посланникам второстепенных, так сказать, курфюрстов, ввиду того, что они незначительны по сравнению с курфюрстами Саксонским и Бранденбургским. Вся неделя прошла в таком ничегонеделании до субботы, когда состоялась встреча. Церемония была такой же, как и в день прибытия. Штатгальтеры прислали трех депутатов за послами на их квартиры и проводили их затем до самой двери приемного зала, в котором их приняли представители государства в полном составе. Было их всего 48; они сидели вдоль стола, покрытого зеленой ковровой скатертью. Господин генерал сидел против президента (который меняется каждую неделю); он обратился к президенту и передал ему послание его царского величества, которое я принес с собой. По обычаю страны, он преподнес в подарок собольи меха в количестве 600 пар, которые очень ценятся за их красоту; второй посол произнес торжественную речь по-московски, в которой изложил поводы присылки посольства. Аудиенция продолжалась лишь полчаса. Господин генерал был одет по моде этой страны, как и другие послы; все трое — в золотых и серебряных одеждах на собольем меху с роскошными бриллиантовыми пряжками. Мы умышленно заказали новую парадную ливрею, которая превзошла все, имеющиеся здесь: она красная, вся густо обшита серебряным галуном, так что трудно заметить сукно. [...] Я еще не знаю, когда мы получим прощальную аудиенцию; есть надежда, что пробудем здесь еще три недели, а отсюда отправимся в Амстердам, где проживем зиму. [...]

Лефорт
Гаага, 1/11 октября 1697 года

[...] Господин генерал умеет ничего не делать как в отношении дел государственных, так и в своих личных, без участия его повелителя. [...] Здесь, в Голландии, мы видели портрет его царского величества, но он ничуть не похож на оригинал. Я думаю, что вы имеете такой же в Женеве. [...] Вот имена послов, которых известили о нашем прибытии; от лица императора — господин граф фон Кауниц, граф Стратман и господин Сейлер; эти были извещены первыми; Англию известили в лице милорда Немброка, милорда Вилльерса и кавалера Уильямсона; Испанию — в лице господина Дон Квироса, господина графа де Тирлемонта; Швецию — в лице господина де Лиlienрота; Бранденбург — в лице господина де Сметау, господина Данкельмана; Данию — в лице господина де Плессена и господина де Лентена; Саксонию — в лице барона де Бозе. Совершенно не уведомили послов Франции, как и послов Савойи. Для этого у его царского величества должны иметься свои причины. Всем членам нашей свиты было запрещено ходить к ним, что и оказалось причиной, почему я не видел их. Вот все те, которых уведомили о нашем прибытии, кто приходил к нам и кого мы сами навестили. Всех этих послов мои господа принимали только со второстепенными церемониями, а они хотели получить такие же почести, как и другие. Что касается саксонского посла, то он пришел к нам инкогнито по той причине, что не знал хорошо, какое же положение должен был занимать; мы у него побывали тоже. В Гаагу прибыл за несколько дней до нашего отъезда посол Швеции граф де Бонд, который стоит выше господина де Лиlienрота, но он прибыл как раз тогда, когда все было закончено. Он сообщил о своем прибытии господам моим послам, но по причине их ускоренного отъезда послы не навестили его. Я же был послан к нему с извинениями и приветствиями. Что касается вещей из Китая, имеющихся у вас, надеюсь, что мой дядя о них подумает и сообщит вам свое решение. [...] В Гааге состоялась наша прощальная аудиенция с такой же помпой, как и первая. Каждый получил прекрасную золотую цепь стоимостью в 2500 экю с очень красивой медалью, где изображены 7 провинций. Я тоже получил медаль и буду хранить ее на память об этой республике. Мы выехали оттуда в последний день прошлого месяца. В настоящее время мы здесь ничего не делаем, и говорят, что мы останемся здесь до мая. [...] Принц де Конти возвращается во Францию; он должен проехать через Бопенгаген и, говорят, будет развлекаться, чтобы забыть свое огор-

чение. Здесь ходит слух, что этот принц раз как-то в компании главных польских вельмож превосходно накормил и напоил их и даже более, чем следовало. Затем пригласил их на свое судно, поднял паруса и вышел в море, сказав им, что не отпустит их, пока они не возместят ему понесенные им расходы. [...]»⁹.

Лефорт

[...] Неизвестно, сколько мы пробудем здесь, так как государь, который с нами, чрезвычайно подвижен. Но, по словам моего дяди генерала, я предполагаю, что мы проживем здесь всю зиму, так как нам невозможно выехать отсюда до того, как растает лед и дороги станут проезжими. Итак, думаю, что именно в мае мы тронемся в путь. [...] Относительно того, что газеты публикуют о нашем посольстве, то в этом содержится кое-что правдоподобное, однако не все, что там напечатано. Правда, что господа послы по приказу его величества просили штатгальтеров принять участие в расходах для поддержания войны, которую царское величество начал против неверных. Если они не хотят сделать взнос деньгами, то пусть дадут боевых припасов или несколько кораблей, на их выбор. Между тем, они отказались. У них ничего не просили взаимы и даже не намеревались, газета же передает все устами Франции, так как господа королевские послы хотели и сделали все возможное, чтобы нам навредить. Надеюсь, что с божьей помощью все их злые замыслы и намерения не приведут ни к чему. У них нет другой причины жаловаться на вас, как только на то, что они не были извещены о нашем прибытии в Гаагу.

Что касается расходов, то они действительно велики, и я могу сказать, что принимали нас великолепно; однако же расходы не столь велики, как говорят; ходят слухи, что мы обошлись господам штатгальтерам в 500 тыс. флоринов, то есть в 200 тыс. экю; невозможно, чтобы расходы достигли такой большой суммы. Но так как эти деньги проходят через столько рук, должно же что-нибудь остаться в руках тех, кто ими оперирует. В настоящее время мы живем в своем кругу, в частном доме и на наши средства, но это обходится ужасно дорого, так как мой дядя расходует каждый день более ста экю только на своих гостей, не считая гостей других послов; а между тем мы расквартированы на плохих квартирах и с нами плохо обращаются. Здесь все ходит слух, что герцог Савойский хочет осадить Женеву, а фламандская газета сообщает даже, что Папа предлагает этому герцогу тысячу дукатов для водворения в Женеве своего епископа.

[...] В прошлое воскресенье у нас здесь состоялось большое празднество в память о победе, которую войска его царского величества одержали над неверными под Казикерменом. Известие об этом мы получили в четверг 5-го числа текущего месяца. Татары и турки подошли к этому месту, осадили, минировали его в четырех или пяти местах и пошли в наступление, когда откомандированная туда армия обрушилась на них. Было убито от 4 до 5 тысяч янычар и взято несколько сот пленных; их заставили снять осаду. Московской армией командовал генерал кн. Долгорукий, который был послом во Францию в то время, когда вы были депутатом в первый раз. Господин генерал угостил здешних бургомистров и вельмож адмиралтейства. Угостение было великолепное. Его величество присутствовал там и назвал себя. Состоялся прекрасный фейерверк, хотя времени для его приготовления имелось мало. Казикермен находится на Днепре. Три года назад московиты заняли его в то время, как мы были под Азовом.

Лефорт
Амстердам, 13/3 декабря 1697 года

[...] Его царское величество отбыл в Англию пятнадцать дней назад. Мы еще не имеем сведений о его прибытии туда. Так как до настоящего времени ветер был противным, дай бог, чтобы он прибыл туда благополучно и чтобы вскоре возвратился. [...] Теперь для Франции ясно по расходам, которые мы делаем, что казна его царского величества не истощена, хотя можно добавить к тому, что каждый день расходы увеличиваются. Несомненно, Московия имеет больше денег, чем думают. Однако это посольство не пополнит казну Московии, но самое лучшее заключается

в том, что Московия будет вознаграждена тем, что ее государь приобретет здесь знания. Нельзя вдоволь нахвалиться этим повелителем, потому что все его планы хороши, его начинания столь похвальны и его склонности так возвышенны, что нет никакого сомнения, что его страна получит большую пользу. Он является примером для своих подданных, ибо работает, как простой человек. Он построил здесь корабль своими руками. Он не заказывает здесь такого большого количества кораблей, как вы мне сообщали; напротив, он бы их и не принял, если бы ему их предложили, так как не знал бы, что с ними делать, и они не принесли бы ему никакой пользы, а стоили бы слишком дорого. Правда, он набирает себе на службу много матросов, хирургов и других людей, способных содержать в порядке и использовать флот. Им дают большие льготы с обещанием привезти их назад через три года, если им не понравится московская служба. Что касается ткачей-суконщиков, то их совсем не набирают: их пробовали привозить в страну, а они развратились и предались ничегонеделанию. Не могу сообщить вам, дорогой брат, никаких других известий о визите, который должны были нанести послам Франции, кроме того, что его величество не хотел этого визита. Не могу сказать, что явилось причиной: то ли из-за кн. Долгорукова, то ли по каким-то иным причинам, которые до сих пор не стали мне известны. Что касается послов Савойи, то это своего рода умышленное забвение, так как они совершенно не были в Гааге. [...]

*Лефорт
Амстердам, 20 января 1698 года*

[...] Я надеялся получить приказания из Англии, чтобы знать наверняка, какой путь избрать, дабы ехать в Вену. Но до настоящего времени еще не получил ответа; в последних полученных мною письмах упоминается только о том, что его царское величество намеревается остаться на несколько недель в Англии, чтобы увидеть, как будет закончено строительство корабля, и что, возможно, государь вызовет меня к себе. Я ожидаю его распоряжений первой простой почтой.

*Лефорт, генерал и адмирал, посол
Амстердам, 14 мая 1698 года*

[...] Мы помещаемся за городом в прекрасном доме. Нам был оказан пышный прием, его царское величество и его императорское величество увиделись, их беседа продолжалась добрых четверть часа; я был у них переводчиком. Сенаторы и наши послы находились в стороне в продолжение всей беседы. Никогда ранее не присутствовал я при столь дружеских отношениях этих двух монархов. До сих пор все сбывалось по желанию обоих монархов.

*Лефорт, генерал и адмирал
Вена, 22 июня 1698 года*

[...] 26 июня мы прибыли к вечеру в этот город, где нас встретили большие толпы народа. Там было 60 карет с вельможами двора. Кареты были запряжены шестью лошадьми, которые шли цугом перед двумя дворцовыми каретами, в них сидели три посла с господином бароном фон Кёнигсеком, советником императорской камеры; он выехал за город на расстояние двух ружейных выстрелов, чтобы приветствовать их. Оттуда послы провели в большое жилище, принадлежащее господину графу фон Кёнигсеку, где мы и помещаемся в настоящее время. Но, конечно, я сильно обманулся по прибытии сюда, так как воображал увидеть великолепный и блестящий двор, а оказалось совсем напротив. Нет ни красивой свиты, ни красивых приемных, какие мы видели при дворе Бранденбурга. В этой стране много вельмож, но все они весьма скромны в одежде. В прошлое воскресенье его царское величество должен был сделать визит его императорскому величеству, с тремя послами инкогнито. Его императорское величество принял его весьма любезно. Мой государь приветствовал его в следующих выражениях: «Брат мой, зная, что вы величайший христиан-

ский государь на Земле, я прибыл сюда сознательно, чтобы приветствовать, вас, а также чтобы укрепить существующий между нами союз; не истолкуйте в дурную сторону то, что я не прибыл ранее: важные дела, которые я имел в Голландии и Англии для снаряжения моей морской армии, явились причиной этого опоздания». Вот приблизительно слова, которыми они обменялись. Его императорское величество был, видимо, очень доволен этим приветствием. И во все время, что находились вместе, они ни разу не присели. Я предполагаю, что его императорское величество просто не хотел уступить почетную правую сторону его царскому величеству. В четверг 3-го июля император велел поставить оперу и пригласил его царское величество и главных вельмож его свиты. Я имел честь присутствовать там. Вчера 4 июля ее величество императрица прислала своего дворецкого просить его царское величество прийти к ней. Государь был там с моим дядей генералом, который всегда бывает переводчиком. Словом, его величество, видимо, доволен этим двором; только бы война продлилась еще год, но в этом я сомневаюсь, так как подыскивают место, где бы состоялся конгресс. Мы никак не думаем о получении аудиенции, ибо хотим знать, продолжится ли война или будет заключен мир; а кроме того, еще не прибыли из Московии подарки, которые будут сделаны его величеству; прибытие их ожидается с часу на час. После нашего прибытия я посетил всех главных министров этого двора; побывал также у всех послов, проживающих при этом дворе, чтобы приветствовать их от имени господ послов, известить их о прибытии в этот город, а также предложить им свои услуги. Все эти министры оказали мне много почестей, и я у них на хорошем счету. Прилагаю список тех, у кого я был. [...] ¹⁰.

[...] Вы будете удивлены, узнав из этого письма о моем благополучном прибытии в Москву. Не могу вам рассказать о тех тяготах, которые мы перенесли в дороге. Мой дядя, генерал тоже, здесь вместе с главным лицом, которое возглавляло посольство. Мы прибыли сюда, и никто не знал о нашем выезде из Вены. И это стало причиной всеобщего удивления. Благодарение богу, что мы, наконец, здесь и что нашли здесь все в покое, вопреки нашим предположениям. [...]

*Лефорт
26 августа 1698 года. Москва*

[...] Первой причиной такого раннего выезда его величества из Вены были сообщенные в письмах известия о том, что 4 полка стрельцов в пять тысяч человек шли на Москву с целью предать все огню и залить кровью. Но бог расположил иначе, и все эти мятежники взяты в плен в 8 лье отсюда генералиссимусом Шеиным, который держал их всех до нашего прибытия. Его царское величество велел всех повесить за исключением нескольких молодых, которые были биты кнутом, клеймены и отправлены в опалу, в Сибирь. Эти гнусные люди имели чудовищные намерения. Они шли безостановочно с пушками, и все были хорошо вооружены, и, конечно, если бы генерал не двинул вперед свои войска, дела были бы весьма плохи и, возможно, сейчас не было бы в Московии ни одного иностранца. Их подвергли разного рода пыткам, чтобы заставить их назвать зачинщика восстания; но это стоило большого труда, и более двух третей из них говорили, что они скорее умрут, а не признаются. Однако, по счастью, источник открыли. Им оказались отпрыски мятежей, имевших место в этой стране уже двадцать лет тому назад, вызванные неким Милославским, который был тестем первого царевича, брата царствующего в настоящее время. Этот Милославский умер 12 лет тому назад, что не помешало ему оставить семя его злых замыслов, которое живет и по его смерти. Около двух лет назад его величество велел выкопать его тело и полить кровью мятежников, которые начинали роптать в то время, затем куски его тела были разбросаны собакам по четырем концам города. А теперь это была одна из сестер его величества, которая поддерживала эти ужасные замыслы... Не могу сказать вам, сослана ли она на жительство в какой-то монастырь или еще куда-либо. Я об этом не знаю, да для меня и нет необходимости проявлять слишком много усердия узнавать об этом.

-- Проездом через Польшу мы видели короля в Раве, за десять лье до Львова. Не могу вам описать, какими объятиями обменялись оба эти государя. Мы пробыли пять дней с ним. Его царское величество пожелал увидеть несколько немецких полков, которых обучали строю в его присутствии. Просто невероятно любезность, с которой король принимал господина генерала. [...] Его величество уезжает в воскресенье в Воронеж, где строится флот. Интересно увидеть, что удалось сделать в его отсутствие. Он рассчитывает отправиться в поход в будущем году. С этой целью он приказал, чтобы все офицеры были наготове. Это заставляет подозревать, что мир не будет заключен так скоро, как предполагали. Впрочем, господин генерал просит вас извинить его: важные дела, касающиеся его морского экипажа, отвлекают его совершенно от его частных дел. [...]

Лефорт
Москва, 28 октября 1698 года

Примечания:

- ¹ Намек на посольство кн. Долгорукого.
- ² Женевский национальный праздник.
- ³ Письма, подписанные просто Лефорт, написаны Петром Лефортом.
- ⁴ Этот адрес приведен по-латыни и частично на нижненемецком наречии. В письме есть приписка, что получено оно 1 марта 1697 года.
- ⁵ Данное письмо не разыскано.
- ⁶ Амстердамский бургомистр Николай Витзен бывал в России, в том числе и на Каспии. Он знал Петра I еще ребенком, позднее стал поверенным царя в Голландии.
- ⁷ Петр I.
- ⁸ Данный отрывок переведен в кн.: М. М. Богословский. Указ. соч. Т. 2.
- ⁹ Это письмо не имеет даты. Оно помещено с письмом, датированным в Амстердаме 24 октября 1697 года.
- ¹⁰ Это письмо не имеет даты. Написано оно Петром Лефортом.